

ДОПУСТИМ ЛИ УПРОЩЕННЫЙ ПОРЯДОК ПРИНЯТИЯ РЕШЕНИЯ О ЛИЧНОМ ОБЫСКЕ ЗАДЕРЖАННОГО ПО ПОДОЗРЕНИЮ В СОВЕРШЕНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЯ?

Россинский Сергей Борисович,
доцент кафедры уголовно-процессуального права
Московского государственного юридического
университета имени О.Е. Кутафина,
доктор юридических наук
sergey@rossinskiy.ru

В настоящей статье поднимаются проблемы процессуальной регламентации механизма принятия решения о производстве личного обыска задержанного по подозрению в совершении преступления. Рассматривая данные вопросы в контексте единых подходов к применению государственного принуждения, принципов уголовного судопроизводства и общих правил проведения следственных действий, автор приходит к выводу о недопустимости существующего в настоящее время упрощенного порядка принятия решения о личном обыске задержанного.

Ключевые слова: задержание подозреваемого, личный обыск, обыск, следственные действия, судебный контроль.

IS THE SIMPLIFIED PROCEDURE FOR ADOPTION OF A DECISION ON PERSONAL SEARCH OF THE PERSON DETAINED ON SUSPICION OF COMMITTING A CRIME ALLOWED?

Rossinskiy Sergey B.,
Assistant Professor of the Department of Criminal Procedural Law
of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL),
Doctor of Law

This article raises problems of procedural regulation of the mechanism of adopting a decision on making a personal search of the person detained on suspicion of committing a crime.

Having considered the given issues within the context of unified approaches to application of public enforcement, criminal judicial procedure principles and general rules of conducting investigation activities, the author comes to the conclusion on inadmissibility of the current simplified procedure for adoption of a decision on personal search of the detainee.

Key words: detention of suspect, personal search, search, investigation activities, judicial control.

Возможность производства личного обыска задержанного по подозрению в совершении преступления и его процессуальные особенности вытекают из системного единства ст. 93, 182 и 184 УПК РФ. Целесообразность и высокий доказательственный потенциал этого следственного действия наглядно подтверждаются материалами правоприменительной практики. О большом познавательном значении личного обыска пишут и отдельные ученые, посвятившие свои работы данной проблематике¹.

Вместе с тем многие уголовно-процессуальные аспекты личного обыска остаются практически неисследованными; освещение этих вопросов учеными-процессуалистами носит преимущественно описательный характер и сводится к пересказу со-

ответствующих статей УПК РФ². Получается, что ни в теории, ни в нормативном регулировании, ни в практике производства личного обыска задержанного по подозрению в совершении преступления вроде бы нет никаких процессуальных проблем? Разве что извечный вопрос о возможности его осуществления до возбуждения уголовного дела³.

Однако это не совсем так. Представляется, что личному обыску задержанного по подозрению в совершении преступления присущ целый ряд не-

¹ Корнуков В.М., Валиев Р.Ш. Личный обыск и его роль в уголовно-процессуальном доказывании. Саратов: СГАП, 2007. С. 84.

² См., например: Строгович М.С. Курс советского уголовного процесса. Т. 2. М.: Наука, 1970. С. 119; Шейфер С.А. Следственные действия. Основания, процессуальный порядок и доказательственное значение. М.: Юрлитинформ, 2004. С. 75–77; Семенцов В.А. Следственные действия: учебное пособие. Екатеринбург: УрГЮА, 2003. С. 49; и многие другие работы.

³ Наумов А.М. Проблема выполнения следственных действий до возбуждения уголовного дела // Российский следователь. 2016. № 7. С. 8–12.

разрешенных вопросов и доктринального, и нормативно-правового, и практического характера. Один из них — вопрос о процессуальном оформлении решения о производстве личного обыска задержанного — мы как раз и постараемся рассмотреть в рамках настоящей статьи.

Вообще обыск согласно ч. 2 ст. 182 УПК РФ в ее системном единстве с ч. 1 ст. 164 УПК РФ проводится на основании мотивированного постановления следователя (дознателя). Подобная правовая конструкция представляется весьма логичной и обоснованной. Она выражает единый законодательный подход, в соответствии с которым следственные действия, характеризующиеся возможностью применения государственного принуждения, проводятся на основании соответствующего постановления как государственно-властного акта, ограничивающего определенные права и свободы участников уголовно-процессуальных правоотношений⁴. И первое место среди них, безусловно, занимает обыск.

Вместе с тем ч. 2 ст. 184 УПК РФ устанавливает, что при задержании лица по подозрению в совершении преступления его личный обыск проводится без вынесения соответствующего постановления. Кстати, близкие по смыслу положения содержатся и в уголовно-процессуальных законах некоторых государств, возникших на постсоветском пространстве (например, Беларуси, Казахстана и других).

Подобная позиция законодателя представляется более чем странной ввиду своей противоречивости и несоответствия единой логике правовой регламентации следственных действий. Вполне очевидно, что адресованное следователю (дознателю) требование о вынесении постановления — это не прихоть государства, не пустая формальность. Это теоретически обоснованное положение, соответствующее общим принципам применения принудительных мер в сфере публично-правового регулирования. Ведь если исходить из общеизвестного доктринального постулата о сущности государственного принуждения как формы ограничения прав и свобод, властного воздействия на лицо против его воли, связанного с наступлением неблагоприятных последствий и т.д.⁵, то в сфере уголовного-процессуальной деятельности оно может быть реализовано лишь на основании специального

юрисдикционного решения, отвечающего требованиям законности, обоснованности и мотивированности, коим в досудебном производстве как раз и является постановление следователя (дознателя).

Пытаясь понять замысел законодателя, разрешающего производство личного обыска задержанного без постановления, мы постарались изучить историю этой правовой позиции и ее научную обоснованность. Впервые на законодательном уровне данная норма появилась в ст. 172 УПК РСФСР 1960 г. Ни Основы уголовного судопроизводства Союза ССР 1958 г., ни более ранние кодифицированные источники уголовно-процессуального права ничего подобного не предусматривали. При этом анализ специальной литературы позволяет констатировать не только отсутствие каких-либо теоретических выводов о возможности производства личного обыска задержанного без постановления, но и вообще фактически полное игнорирование этих вопросов. Как отмечалось выше, данные аспекты традиционно освещались посредством простого пересказа соответствующих статей УПК РФ. До принятия УПК РСФСР 1960 г. ученые в принципе не выделяли никаких правовых особенностей личного обыска⁶. Тогда как в более поздних работах об указанной специфике говорилось уже как о само собой разумеющейся⁷. Научная обоснованность данной процессуальной особенности личного обыска отсутствует и в современной литературе, написанной в контексте действующего УПК РФ, в частности, в прямо посвященной этому следственному действию одноименной монографии В.М. Корнукова и Р.Ш. Валиева. Авторы лишь отмечают, что при задержании лица правовым основанием производства личного обыска является не постановление, а само решение о задержании⁸.

Специальная норма о проведении личного обыска задержанного без необходимости вынесения соответствующего постановления в принципе лишена доктринальной основы. Поэтому в настоящее время уже достаточно сложно понять, чем руководствовался законодатель, вводя в 1960 г. данное положение в

⁴ Подробнее об этом см.: Россинский С.Б. Механизм формирования результатов «невербальных» следственных и судебных действий в уголовном судопроизводстве. М.: Проспект, 2015. С. 77–78.

⁵ Например: Алексеев С.С. Общая теория права. Т. 1. М.: Юрид. лит., 1981. С. 266–268; Лейст О.Э. Санкции и ответственность по советскому праву. М.: МГУ им. М.В. Ломоносова, 1981. С. 23; Серегина В.В. Государственное принуждение по советскому праву. Воронеж: Воронежский госуниверситет, 1991. С. 47 и т.д.

⁶ Например: Громов В.А. Дознание и предварительное следствие. Теория и техника расследования преступлений: руководство для органов дознания и народных следователей / под ред. Н.В. Крыленко. 2-е изд. М.: НКЮ РСФСР, 1926. С. 156; Строгович М.С. Уголовный процесс. М.: Минюст СССР, 1946. С. 248–249; Чельцов М.А. Советский уголовный процесс. М.: Госюриздат, 1951. С. 269–271; Попов В.М. Обыск. Алма-Ата: Казахский госуниверситет имени С.М. Кирова, 1959. С. 48–49 и т.д.

⁷ Например: Ратинов А.Р. Обыск и выемка. М.: Госиздат, 1961. С. 159; Советский уголовный процесс / под ред. Д.С. Карсва. М.: Высшая школа, 1968. С. 225; Михайлов А.И., Юрин Г.С. Обыск. М.: ВНИИ Прокуратуры СССР, 1971. С. 7–8 и т.д.

⁸ Корнуков В.М., Валиев Р.Ш. Указ. соч. С. 150.

систему уголовно-процессуального регулирования. Здесь может возникнуть лишь одно предположение: очевидно, разработчики УПК РСФСР, а вслед за ними и авторы действующего УПК РФ просто не придавали большого значения различиям между личным обыском как следственным действием и личным обыском как режимным мероприятием, направленным на изъятие у подозреваемого предметов, запрещенных к хранению и использованию в изоляторах временного содержания (например, раздел III Правил внутреннего распорядка изоляторов временного содержания подозреваемых и обвиняемых органов внутренних дел⁹ или раздел III Правил внутреннего распорядка в изоляторах временного содержания подозреваемых и обвиняемых пограничных органов¹⁰). Ведь если первый имеет сугубо познавательный характер и может проводиться строго при наличии предусмотренных ч. 1 ст. 182 УПК РФ оснований, то второй связан лишь с необходимостью кратковременного помещения лица под стражу.

Кстати, именно в этой связи складывается весьма порочная практика. Она заключается в том, что, хотя формально каждое из этих мероприятий преследует свои собственные цели, однако фактически они дублируют друг друга, на что совершенно справедливо указывает В.Н. Григорьев¹¹. Вышеупомянутые В.М. Корнуков и Р.Ш. Валиев также обращают внимание на данное обстоятельство, но не дают ему критической оценки¹².

Выдвинутое нами предположение подтверждается и самой формулировкой ч. 2 ст. 184 УПК РФ, где указано, что личный обыск может быть проведен без соответствующего постановления не только при задержании лица, но и при его заключении под стражу в порядке ст. 108 УПК РФ. Более того, факт недопонимания законодателем различий между личным обыском как следственным действием и как режимным мероприятием вполне очевиден, исходя из комплексного анализа ч. 4–5 ст. 182 и ч. 1 ст. 184 УПК РФ. Ведь по общему правилу до начала активной фазы (рабочего этапа) обыска следователь обязан предъявить постановление (судебное решение) о его производстве и предложить выдать искомые предметы, документы и ценности в добровольном

порядке. Однако специальные правила личного обыска подобного предписания не предусматривают. Зачем устанавливать подобную дифференциацию, если личный обыск — это не более чем разновидность обыска? Зачем искусственно лишать человека права на добровольную выдачу искомых объектов, тем самым априори подвергая его необоснованному принуждению? Видимо потому, что при режимном мероприятии, с которым законодатель путает личный обыск как следственное действие, изъятию подлежат не предметы, документы или ценности, имеющие значение для уголовного дела, а те самые пресловутые часы, шнурки, ремень и другие объекты, запрещенные к хранению и использованию в изоляторах временного содержания.

Представляется, что в настоящее время нет никаких причин для сохранения на законодательном уровне особого правового режима принятия решения о производстве личного обыска задержанного по подозрению в совершении преступления. Формальным основанием для проведения этого следственного действия может быть только вынесенное в соответствии с общими требованиями законное, обоснованное и мотивированное постановление. Оно должно предъявляться обыскиваемому лицу вместе с предложением о добровольной выдаче искомых предметов, документов или ценностей. Это поспособствует не только надлежащему обеспечению прав подозреваемого и избавлению от необоснованного принуждения, но и позволит более аргументированно обжаловать в судебном порядке обоснованность проведения данного следственного действия.

Внесенные нами предложения невольно актуализируют еще две проблемы теории — нормативного регулирования и практики уголовного судопроизводства. Первая из них связана с некоторым усложнением и без того слишком сильно заформализованной процедуры досудебного производства. Ведь необходимость вынесения отдельного постановления о производстве личного обыска задержанного неизбежно повлечет за собой лишние временные затраты и организационно-технические трудности. Следователи (дознаватели), которые и без того проводят задержания в условиях процессуального цейтнота и перегружены бременем составления множества документов, получают дополнительную работу.

Прекрасно понимая потенциальные практические сложности и в целом являясь сторонником определенного упрощения процессуальной формы, мы тем не менее в решении данного вопроса исходим из других соображений. Установленный УПК РФ порядок производства по уголовному делу призван, в первую очередь, обеспечивать гарантии реализации полномочий, прав и свобод участвующих лиц; в противном

⁹ Приказ МВД России от 22 ноября 2005 г. № 950 «Об утверждении Правил внутреннего распорядка изоляторов временного содержания подозреваемых и обвиняемых органов внутренних дел» с последующими изменениями и дополнениями.

¹⁰ Приказ ФСБ России от 24 марта 2010 г. № 140 «Об утверждении Правил внутреннего распорядка в изоляторах временного содержания подозреваемых и обвиняемых пограничных органов».

¹¹ Григорьев В.Н. Задержание подозреваемого. М.: ЮрИнфор, 1999. С. 184.

¹² Корнуков В.М., Валиев Р.Ш. Указ. соч. С. 152.

случае формализация уголовного процесса вообще лишена всякого смысла. Поэтому любое упрощение процедур предварительного расследования или судебного разбирательства должно иметь разумный характер и не затрагивать общеправовых ценностей, установленных на международно-правовом и конституционном уровнях. Лишение возможности подозреваемого ознакомиться с постановлением о производстве в отношении него личного обыска, лишение его возможности добровольно выдать искомые объекты, влекущее за собой необоснованное принуждение, лишение возможности обжалования — это как раз и есть то самое неразумное упрощение процессуальной формы, которому нельзя отдать приоритет перед необходимостью обеспечения прав и свобод личности. И, таким образом, внесенные нами предложения, невзирая на определенные практические трудности, вполне соответствуют высокому правовому значению уголовного процесса.

Тем более что реальная необходимость проведения личного обыска задержанного по подозрению в совершении преступления в практике встречается крайне редко. Гораздо чаще предметы, документы и ценности, имеющие значение для уголовного дела, обнаруживаются и изымаются сотрудниками правоохранительных органов в результате досмотров и прочих непроцессуальных мероприятий (своеобразных суррогатов личного обыска), имеющих место при фактическом задержании. В этой связи возникает закономерный вопрос: что, собственно говоря, можно найти при личном обыске, если все уже было обнаружено и изъято ранее. Следователю (дознавателю) остается забрать у подозреваемого лишь те самые часы, шнурки, брючный ремень и тому подобные вещи, то есть фактически превратить следственное действие в режимную процедуру, о чем мы уже писали выше. Поэтому в подобных ситуациях производство личного обыска абсолютно необоснованно и недопустимо.

Вторая проблема, возникающая в связи с необходимостью вынесения постановления о производстве личного обыска задержанного, — это проблема судебного контроля. Так, согласно ч. 1 ст. 184 УПК РФ в ее системном единстве с положениями п. 6 ч. 2 ст. 29, ч. 2 ст. 164 и ч. 3 ст. 182 УПК РФ личный обыск по общему правилу проводится на основании судебного решения. И если при существующей в настоящее время специальной процедуре производства личного обыска задержанного его судебное санкционирование¹³ не требуется, то внесенные нами предложения невольно упираются в данный вопрос.

Действующий закон в качестве основной (приоритетной) формы судебного контроля за производством следственных действий, в частности личного обыска, использует именно судебное санкционирование. Подобный порядок можно объяснить очевидным желанием законодателя установить в уголовном судопроизводстве идеальный правовой режим обеспечения прав и свобод личности. Однако при этом ни международно-правовые акты, ни Конституция РФ не содержат ни единого намека о судебном санкционировании личного обыска; по этому поводу нет и соответствующих правовых позиций Конституционного Суда РФ или Европейского суда по правам человека.

Таким образом, очевидно, что «процессуальный маятник» в этой части качнулся слишком сильно. По мнению В.М. Быкова, авторы УПК РФ в своем усердии явно перестарались¹⁴. Стремясь продемонстрировать демократические начала уголовного судопроизводства, законодатель попытался создать идеальный с точки зрения обеспечения прав и свобод личности механизм личного обыска. Однако данные правовые иллюзии невольно разбиваются как о доктрину судебной власти, так о реалии следственной практики. Указанные вопросы весьма обстоятельно исследованы в целом ряде наших работ¹⁵, поэтому с учетом ограниченного объема настоящей статьи мы позволим себе не углубляться в общие проблемы судебного контроля за производством следственных действий.

В этой связи мы уже неоднократно высказывали точку зрения, что предварительный судебный контроль — весьма слабая, малоэффективная и достаточно сомнительная процессуальная гарантия, а его использование оказывает скорее негативное влияние на современную правоприменительную практику.

Неэффективность судебного контроля за производством личного обыска наглядно демонстрируют

следственных действий в порядке ч. 1–4 ст. 165 УПК РФ и напоминающего не столько полноценную деятельность суда, сколько некую административную процедуру, проводимую в отсутствие состязательности.

¹⁴ Быков В.М. Актуальные проблемы уголовного судопроизводства. Казань: Познание, 2008. С. 209.

¹⁵ Например: Россинский С.Б. Нужен ли предварительный судебный контроль за производством следственных действий в жилище? (Ч. 1) // Российский судья. 2009. № 8. С. 15–22; Россинский С.Б. Нужен ли предварительный судебный контроль за производством следственных действий в жилище? (Ч. 2) // Российский судья. 2009. № 9. С. 19–23; Россинский С.Б. Проблемы конкуренции предварительного и последующего судебного контроля за производством следственных действий в жилище // Lex Russica. 2009. № 4. С. 1449–1468; Россинский С.Б. Концептуальные основы формирования результатов «невербальных» следственных и судебных действий в доказывании по уголовному делу: дис. ... докт. юрид. наук. М.: МГЮА, 2015. С. 336–362 и т.д.

¹³ Судебное санкционирование — вполне удачный термин, используемый рядом авторов для обозначения механизма предварительного судебного контроля за производством

эмпирические данные, согласно которым суды удовлетворяют ходатайства органов предварительного расследования о проведении личного обыска практически в 100% случаев. А редкие отказы обусловлены исключительно формальными основаниями (например, несоблюдением срока представления в суд материалов и т.д.). Отчеты о работе судов первой инстанции по рассмотрению уголовных дел за 2014 и 2015 годы, опубликованные на официальном сайте Судебного департамента при Верховном Суде РФ, содержат следующие данные: всего было рассмотрено соответственно 7 355 и 7 564 ходатайств органов предварительного расследования о производстве личного обыска. Из них было отказано в удовлетворении соответственно 176 (2,3%) и 198 (2,7%) ходатайств. Примерно аналогичная ситуация наблюдалась и за более ранние годы. Проводимые нами в 2006–2014 гг. опросы следователей, прокуроров, адвокатов, судей, секретарей судебных заседаний г. Москвы и некоторых других регионов РФ показали примерно те же результаты. Причем в некоторых районных судах Тульской, Ярославской и Воронежской областей количество удовлетворенных ходатайств достигало абсолютного максимума в 100%. А ведь при этом необходимо учитывать, что большинство личных обысков проводятся именно при задержании подозреваемого, то есть не требуют судебного санкционирования и, следовательно, в приведенную статистику вообще не попадают. По сведениям В.М. Корнукова и Р.Ш. Валиева, в порядке ст. 93 УПК РФ проводится 77% всех личных обысков¹⁶. В этой связи весьма разумно суждение И.А. Петрухина, который писал, что если все или почти все ходатайства следственных органов суд удовлетворяет, то зачем в таком случае вообще судебный контроль?¹⁷ Близкой позиции придерживается и В.А. Лазарева. Она отмечает, что достигающая практически 100% удовлетворяемость ходатайств органов расследования о производстве следственных действий позволяет говорить о неэффективности судебного контроля, превращенного в выдачу разрешений, что приводит к нарушению или необосно-

ванному ограничению прав личности, формирует в общественном правосознании убеждение, что суд заодно со следователем¹⁸.

Применительно к обеспечению реализации принципа неприкосновенности жилища мы в свое время предлагали заменить предварительный судебный контроль (судебное санкционирование) на последующий судебный контроль, позволяющий реально обеспечить состязательность сторон как необходимое условие реализации судебной власти, а также полноценно проверить и оценить не только законность, но и обоснованность проведенного следственного действия.

Будет ли рациональным данное предложение применительно к личному обыску? Эта проблема представляется крайне сложной и неоднозначной. Думается, что в отличие от следственных действий, проводимых в жилище, личный обыск должен выступать предметом судебного контроля исключительно по инициативе заинтересованных лиц, имеющих возможность обжаловать в суд любое действие или решение следователя (дознателя), способное причинить ущерб их конституционным правам и свободам либо затруднить доступ к правосудию. Однако можно ли расценить производство личного обыска как затрагивающее какое-нибудь конституционное право личности? Данный вопрос пока остается открытым.

В любом случае изложенные в настоящей статье аргументы позволяют сделать общий вывод о том, что процедура принятия решения о личном обыске задержанного по подозрению в совершении преступления не должна носить упрощенного характера. Ее следует подчинить общим требованиям, установленным ч. 2 ст. 182 УПК РФ в ее системном единстве с ч. 1 ст. 164 УПК РФ.

Кстати, в этой связи закономерно возникает и более глобальный вопрос: а нужна ли вообще самостоятельная ст. 184 УПК РФ? Ведь если исключить упрощенные процедуры принятия решения о личном обыске, ее правовая ценность будет сводиться лишь к требованию о принадлежности участвующих лиц к одному полу с обыскиваемым человеком. Ответ на данный вопрос мы постараемся дать в наших следующих публикациях. ■

¹⁶ Корнуков В.М., Валиев Р.Ш. Указ соч. С. 84.

¹⁷ Петрухин И.А. Об эффективности судебного контроля за следствием и оперативно-розыскной деятельностью // Уголовное право. 2007. № 2. С. 92.

¹⁸ Лазарева В.А. Право на судебную защиту и проблемы его реализации в досудебном производстве. М.: Юрлитинформ, 2010. С. 158.

Литература

1. Алексеев С.С. Общая теория права. Т. 1. М.: Юрид. лит., 1981.
2. Быков В.М. Актуальные проблемы уголовного судопроизводства. Казань: Познание, 2008.
3. Григорьев В.Н. Задержание подозреваемого. М.: ЮрИнфор, 1999.
4. Громов В.А. Дознание и предварительное следствие. Теория и техника расследования преступлений: руководство для органов дознания и народных следователей / под ред. Н.В. Крыленко. 2-е изд. М.: НКЮ РСФСР, 1926.
5. Корнуков В.М., Валиев Р.Ш. Личный обыск и его роль в уголовно-процессуальном доказывании. Саратов: СТАП, 2007.

6. Лазарева В.А. Право на судебную защиту и проблемы его реализации в досудебном производстве. М.: Юрлитинформ, 2010.
7. Лейст О.Э. Санкции и ответственность по советскому праву. М.: МГУ им. М.В. Ломоносова, 1981.
8. Михайлов А.И., Юрин Г.С. Обыск. М.: ВНИИ Прокуратуры СССР, 1971.
9. Наумов А.М. Проблема выполнения следственных действий до возбуждения уголовного дела // Российский следователь. 2016. № 7.
10. Петрухин И.Л. Об эффективности судебного контроля за следствием и оперативно-розыскной деятельностью // Уголовное право. 2007. № 2.
11. Попов В.М. Обыск. Алма-Ата: Казахский госуниверситет имени С.М. Кирова, 1959.
12. Ратинов А.Р. Обыск и выемка. М.: Госиздат, 1961.
13. Россинский С.Б. Концептуальные основы формирования результатов «невербальных» следственных и судебных действий в доказывании по уголовному делу: дис. ... докт. юрид. наук. М.: МГЮА, 2015.
14. Россинский С.Б. Механизм формирования результатов «невербальных» следственных и судебных действий в уголовном судопроизводстве. М.: Проспект, 2015.
15. Россинский С.Б. Нужен ли предварительный судебный контроль за производством следственных действий в жилище? (Ч. 1) // Российский судья. 2009. № 8.
16. Россинский С.Б. Нужен ли предварительный судебный контроль за производством следственных действий в жилище? (Ч. 2) // Российский судья. 2009. № 9.
17. Россинский С.Б. Проблемы конкуренции предварительного и последующего судебного контроля за производством следственных действий в жилище // Lex Russica. 2009. № 4.
18. Семенцов В.А. Следственные действия: учебное пособие. Екатеринбург: УрГЮА, 2003.
19. Серегина В.В. Государственное принуждение по советскому праву. Воронеж: Воронежский госуниверситет, 1991.
20. Советский уголовный процесс / под ред. Д.С. Карева. М.: Высшая школа, 1968.
21. Строгович М.С. Уголовный процесс. М.: Минюст СССР, 1946.
22. Строгович М.С. Курс советского уголовного процесса. Т. 2. М.: Наука, 1970.
23. Чельцов М.А. Советский уголовный процесс. М.: Госюриздат, 1951.
24. Шейфер С.А. Следственные действия. Основания, процессуальный порядок и доказательственное значение. М.: Юрлитинформ, 2004.